

другъ: это въ своемъ родѣ знаменательно не только для меня, но и для самой академіи художествъ.

По указанію учениковъ, я долженъ былъ снести свою работу къ профессору Пименову, жившему тутъ же рядомъ; ему же я былъ откомендованъ баронессою Э. Онъ былъ высокаго роста, худоцавъ, съ быстрыми, порывистыми манерами; о немъ ходило много анекдотовъ; въ нихъ онъ представлялся художникомъ съ недюжиннымъ талантомъ, человѣкомъ гордымъ до сумасбродства, энергичнымъ до рѣзкости, но въ то же время безпечнымъ и немного лѣнливымъ. Всѣ боялись его, не исключая и начальства академіи, а ученики просто избѣгали встрѣчъ съ нимъ.

Кончивъ работу, я, съ помощью сторожа, снесъ ее къ нему. Повидимому, онъ былъ очень удивленъ моею смѣлостью, посмотрѣлъ на меня, на работу, и лаконически произнесъ:—Самъ приду.—Въ классѣ ждали меня видимо съ нетерпѣніемъ не только трое моихъ товарищей, но и еще нѣсколько человѣкъ незнакомыхъ.

— Ну, что?—спросили всѣ въ одинъ голосъ, какъ только я вошелъ. Я повторилъ то, что сказалъ профессоръ. Всѣ остались почему-то недовольны моимъ отвѣтомъ:—видно, не того ждали. — Не можетъ быть!—говорили одни.—Онъ шутитъ,—говорили другіе.

— Ну, признайтесь, — приставали ко мнѣ: — вѣдь не то было? — Я не сталъ отвѣчать имъ; мнѣ не понравилась ихъ назойливость. Вдругъ дверь раскрывается, и высокая, гордая фигура Пименова прямо подходитъ къ намъ. — Работаете? — спросилъ онъ, не глядя ни на кого. Всѣ оробѣли; чужіе попрятались и по-одиночкѣ стали исчезать за дверь; остальные начали-было показывать свои работы, но Пименовъ порывисто глянулъ направо, налѣво, и съ недовольной гримасой произнесъ:—Тьфу, какъ грязно! — Развѣ у васъ нечѣмъ заслонить свѣтъ? — спросилъ онъ затѣмъ, указывая на окна. Ученики отвѣчали отрицательно. Онъ еще больше поморщился и закричалъ:—Эй, сторожъ! инспектора позови мнѣ сюда!

Маленькій инспекторъ явился скоро, точно изъ-подъ земли выросъ.—Помилуйте! какъ это можно?—еще громче закричалъ профессоръ. — Точно казарма: свѣтъ снизу доверху, статуи грязныя... Помилуйте... на нихъ ничего не видать...

Послѣ этого начался новый порядокъ, появились желтыя ширмы на окнахъ, чинились и красились статуи, но, главное, съ тѣхъ поръ скульптурные профессора стали аккуратно дежурить, чего не случилось съ незапамятныхъ временъ.—Итакъ, благодаря